

ПОЧЕМУ ДЕЗЕРТИРОВАЛИ «СОВРЕМЕННОК» И ТАГАНКА

Театр как поле битвы

Вапериа
Новодворская

Мнение

В НЕЗАБВЕННЫЕ 60-е, во времена первой Великой Депрессии, наступившей очарованной XX съездом души недоброй в лагерях советской интеллигенции, театр держался на двух митах: на «Современнике» и на Таганке. Оба театра были великими по форме и депрессивными по содержанию. В «Современнике» на «Голом короле», «Традиционном сборе», «Большевиках», «Декабристах», «Народовольцах» решался вопрос о Власти — не в ее пользу Таганка бросала вызов каждому словом и каждой паузой, она смеялась и плакала не там, где положено, и не тем, кому положено, зажигала Вечный огонь. В 70-е рухнул стол «Современника». Все-таки искусство для нас — доспехи и оружие, мы бьемся не на шпагах, а на пьесах, не на пистолетах, а на стихах, не на саблях, а на картинах. Друг с другом и с миром. Достоевский забыл сказать, что не только сердце, но и искусство наше навеки останутся полем битвы. После дезертирства «Современника» Таганка сражалась единственным воином на этом поле...

Есть жуткая закономерность в том, что театр шестидесятников должен был замолчать вместе с шестидесятниками именно тогда, когда им перестали зажимать рот. Верующее поколение так же легко обмануть, как боги.

ему плачущую икону или являющуюся якобы Богоматерью.

Тысячу лет веруем мы в Бога, Царя и Отечество, в коммунизм, Ленина, Сталина, Горбачева и Ельцина, недавно с чужой помощью еще две святых прихватили — Рынок и Запад. Что для других скучная и самая что ни на есть тривиальная действительность, то для нас предмет культа. Как людоеды племени мумбо-юмбо, мы дуеем от любого блестящего ситечка или стеклянных бус. Шестидесятникам, политическим и театральным, было на редкость мало нужно: новая вера и добрый барин. Что ж, все это они сегодня имеют. Барин почти совсем перестал сажать, не счет розгами и даже не топает ногами. Да еще в порядке ежедневных сатурналий — позволяет дерзить себе. В Риме рабы бесчинствовали раз в году, а у нас каждый день! Поэтому как не воскликнуть вместе с Лао Шэ: «Мудрый император, он не забывает своих интеллигентов! Мудрые интеллигенты, они до конца верны своему императору!»

Все мы, шестидесятники, напоминаем толстого офицера из «Неуловимых мстителей», который обязательно должен был поцеловать каждой даме ручку. Разница вся в том, что мы коллекционируем ручки не дам, но правителей. Таганка никогда не была андерграундом, потому что ею двигало не отчаяние, а надежда. Настоящий же андерграунд не надеется ни на что. У него нет сумы, ему ничего нельзя подать. До шестидесятников не дошло, что им подали в 1988 году милостыню. Никто из нас не заработал этот горький даровой хлеб. Смелые зарабатывали себе на погребель, а «Огонек» и «Московские новости» молчали бы в трялочку до сегодняшнего дня, если бы не разрешили говорить. Несчастная интелли-

генция могла бы не взять хлеб и умереть с голоду, но гласность она взяла. Не взять было выше ее сил. Не подняв и не просветив народ, мы склевали на хляву крошки со щедрой руки власти. Мы не отказались ни от «Незаконимой», ни от «Темы», ни от возможности ездить за бугор и издавать Оруэлла и Зиновьева. И не надо подписывать пергамент кровью, достаточно испытать благодарность по отношению к Власти.

Андерграунду тошно — его поддерживает на плаву только великая сила презрения и горечи. Мы допили свой бокал до дна и на свадебном банкете в честь бракосочетания Власти и Интеллигенции, и на дне обнаружилась чикнута, и два театра выпали в осадок... Два новых мита, на которых может быть, удержится мир, чтобы не нырнуть в тошнотворную пучину благополучия. Театр на Юго-Западе и театр «Сфера» не преминули омрачить торжество и превратить свадьбу в гражданскую парихиду. По безверию успешному Сопротивлению. По намерению успешей интеллигенции. Здесь отвечают и Россию (в «Сфере» в «Докторе Живаго» и в «Лебедином стане», на Юго-Западе — в «Вальпургиевой ночи»), и Лету, и Лорелею. На Юго-Западе не разучились одержимости, в «Сфере» не иссякает горечь. Режиссер «Сферы» играет по партитуре Булгакова и Пастернака, он едва доносится сивозь бодрую реальность, словно колокола погребенного Китаева. Это глбнем мы, и никто другой. Юго-Запад играет Страшный суд уже не над Россией, а над всем человечеством; его Ионеско, Камю, Шекспир — словно трубы архангелов, которые прозвучат в последний день мироздания.

А носорогам нужен асфальт... Но есть в этой ситуации спой:

риск и азарт: а вдруг все возрадуются, и превратятся, и хрюкнут от восторга?

Таганка превратилась... Поэтому не опустеет Юго-Западный подвал, поэтому еще не полнитесь шипучей горечью вечерняя «Сфера». Сюда ходят неприкаланные чеховские интеллигенты, которым белый свет не мил. Ходят проверять, не рухнула ли их линия Мажино, держатся ли театры в глухой обороне, когда уже ясно, что подкрепление не подойдет, а носорогов можно будет помянуть только на орлов-стервятников пошиба 1918 или 1937 года.

Программный спектакль «Сферы» — «Доктор Живаго» Пастернака.

Как мало изменилась русская интеллигенция, с XVI века вылезавшая из своих окопов, и в отличие от советской совершенно чуждая здоровому оптимизму шестидесятников! Ну чего нам еще? Говорить и спорить разрешили, пьесы идут, романы печатают, даже вон многострадальных Родионова и Кузнецова наконец отпустили... По 70-й статье временно не сажают! Красные флаги снимали, СССР переименовали, КПСС разогнали... Мы же вроде этого хотели? Где же наша благодарность? Почему, сказав в 1964 году «а», мы не говорим сейчас «б»? И Юрий Живаго, и Пастернак, и мы, печальники, все в лес смотрим, как тот брянский волк, которого еще недавно называли нам в товарищи. И впрямь мы стелные волки! «Я скажу «а», а «б» не скажу, хоть разорвитесь и лопните. Я допускаю, что вы светочи и освободители России, что без вас она пропала бы, погрязши в ищите и невозможности, и тем не менее мне не до вас, я не люблю вас и ну вас всех к черту». И впрямь...